

История правозащитного медиапроекта «ОВД- Инфо» от кнопочных телефонов до наших дней

Дата запуска

5 декабря 2011 года,
сайт — с 10 декабря.

География

В первые годы — Москва,
потом — вся Россия.

Ключевые цифры

За 11 лет юристы проекта
3718 раз выезжали в отделы
полиции, 5770 людям оказана
помощь в административных
судах, подано 2528 жалоб
в Европейский суд по правам
человека. В 2022 году
адвокаты от «ОВД-Инфо» ведут
52 уголовных дела. В правовом
боте зарегистрировано более
294 тысяч пользователей,
в волонтерском боте —
5900 актуальных активных
волонтерских анкет. Проект
выпустил 27 правовых
инструкций для граждан,
52 доклада о правах человека
в России. С 24 февраля
«ОВД-Инфо» насчитал
19 335 задержаний в связи
с протестами против
войны. В 2021 году проекту
пожертвовали около
260 миллионов рублей.

Инновационность

Стали точно считать количество
задержаний на акциях, а затем
и количество уголовных дел
с политическим подтекстом.
Поставили на поток помощь
людям в отделах полиции,
национальных судах
и ЕСПЧ. Изобретают язык
для анализа политических
репрессий и придумывают
способы реагирования на них.

Придумали и реализовали
множество технологических
новинок в своей сфере: правовой
и волонтерский боты «ОВД-
Инфо» в Telegram, сервисы
«Дятел» и «Генераптор», IT-
решения для автоматизации
поиска данных.

Результаты

С каждым годом наращивают
ресурсы помощи людям,
столкнувшимся с задержаниями
или репрессиями
по политическому мотиву.

Цель устойчивого развития

№ 16. Мир, правосудие,
эффективные институты.

Статус на 2022 год

Проект внесен в перечень
«незарегистрированных
объединений, выполняющих
функции иностранного агента».
Сайт «ОВД-Инфо» заблокирован
из-за претензий прокуратуры.
Генеральный партнер проекта
— правозащитный центр
«Мемориал» — ликвидирован.
Тем не менее «ОВД-Инфо»
продолжает свою деятельность.

Акцию 5 декабря 2011 года назовут потом «митингом испорченных ботинок»: на Чистых прудах собралось столько людей, что многим пришлось стоять в слякоти на газоне, отчего обувь промокала и портилась. Навальный, Яшин и Немцов кричали лозунги со сцены, тысячи людей скандировали «Путин – вор!», а камера [выхватывала](#) воодушевленные и мокрые лица из толпы.

Где-то там, у памятника Грибоедову, были тогда и три друга: журналист «Большого города» Гриша Охотин и два программиста, братья Даня и Боря Бейлинсоны.

Как вспоминает Боря, многие участники акции против фальсификаций на выборах вышли на протест впервые в жизни. После завершения митинга часть людей двинулись в сторону метро «Лубянка», к Центральной избирательной комиссии, но им преградили дорогу кордоны полиции. Начались задержания, Боря получил по голове дубинкой и поехал в травмпункт фиксировать гематому. Гриша и Даня вместе с компанией друзей поехали вызволять людей из отделов полиции. Гриша думал, что журналистская корочка поможет ему попасть в ОВД и каким-то образом повлиять на судьбу задержанных.

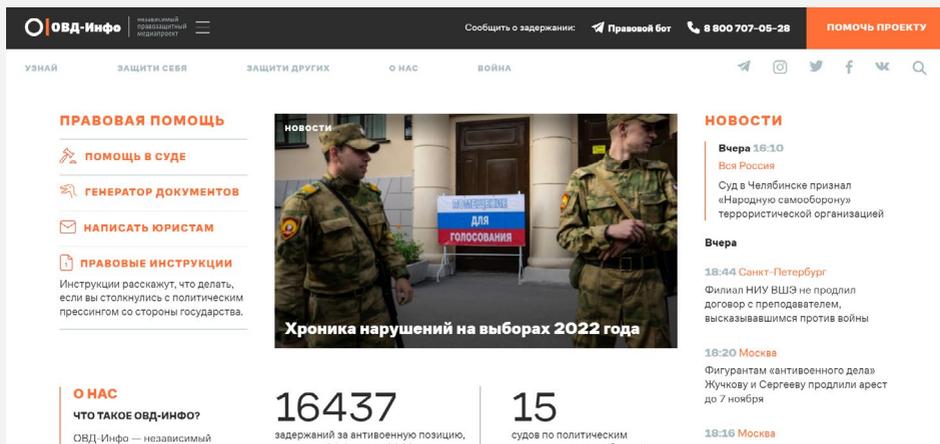
План не совсем сработал, но зато в процессе Гриша и Даня стали собирать фамилии задержанных и группировать их по отделам. Утром общий список из 253 фамилий друзья разместили сначала в «Фейсбуке», а потом и в бумажном «Большом городе».

Шестого декабря на Триумфальной площади состоялся новый митинг, на котором задержали еще около 600 человек. В ближайшие месяцы многотысячные демонстра-

ции, белые ленты и оптимистичные лозунги стали привычны для улиц крупных городов, особенно — для Москвы. А вместе с тем стали привычны и задержания.

«Пятого мы писали про задержанных в «Фейсбуке» всю ночь, и шестого мне снова стали звонить знакомые знакомых, — рассказывает Гриша Охотин, — Стало понятно, что проблема в информации: ее нет. И тут что-то стоит сделать».

Гриша и Даня решили создать сайт, на котором можно было бы найти эту информацию: о количестве задержанных, об их именах, о том, в какие отделы кого повезли и что происходит с людьми после автозака. По замыслу списки задержанных и сухие, корректно подсчитанные данные должны были соседствовать с эмоциональными личными историями от первого лица — «цифры плюс люди», — как объясняет Гриша.

Главная страница сайта «ОВД-Инфо»

Друзья хотели, чтобы сервис работал без участия создателей и люди сами обменивались историями и данными. Боря, Гриша и Даня думали, что разберутся с сайтом за три месяца, а потом пойдут «заниматься своими делами». Вышло иначе: три месяца растянулись на одиннадцать лет, а проект «ОВД-Инфо» стал их основной работой, а возможно, и делом всей жизни.

Медиа с позицией

Охотин и Бейлинсоны были знакомы с детства — все они из московских интеллигентных семей. Отец Бори и Дани — математик Александр Александрович Бейлинсон, профессор Чикагского университета. Мать — физик Наталья Кравченко, одна из составительниц «Хроники текущих событий». Отец Гриши — Никита Охотин — был историком и сооснователем историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». Боря называет «Хронику текущих событий» в некотором плане прототипом «ОВД-Инфо», Гриша Охотин в интервью [ссылался](#) на опыт Мишеля Фуко и «Группы информации по тюрьмам».

В первые месяцы на телефонах горячей линии, куда задержанные могли сообщать о происходящем с ними, дежурили Гриша и Даня. Вскоре к ним присоединился и Боря, время от времени помогали друзья и родные. Все работало на двух кнопочных телефонах, которые передавали другу на вахте. С помощью сарафанного радио и публикаций в социальных сетях номер быстро распространился в среде московских политических активистов.

Из новостей и списков задержанных в привязке к отде-

лам полиции их близкие узнавали, что с ними происходит и куда надо ехать, чтобы помочь. Кроме того, создатели «ОВД-Инфо» всегда [настаивали](#), что публичность сама по себе может защитить. Полицейским сложнее нарушать закон в отношении людей, за чьей судьбой следят извне ОВД.

По замыслу «ОВД-Инфо» должен был стать сплавом журналистики и активизма — посредником между активистами, в жизни которых происходит что-то плохое, и журналистами, которые хотят узнать об этом и рассказать на широкую аудиторию. Посредником, которому верят обе стороны.

«В первые дни стало понятно, что мы политически нейтральны и пишем и про левых, и про правых, и про всех. Что мы не должны быть частью оргкомитета протестных действий. А с другой стороны, мы не хотели быть традиционным медиа. Мы говорили, что работаем не просто с информацией, а с участием читателей. Нечто, что сейчас достаточно мейнстримно, а тогда было не совсем понятно журналистском сообществу: медиа с позицией, но работающее объективно», — рассказывает Гриша.

Первые заметки на сайте «ОВД-Инфо» не были похожи на классические новости с событием, источником и бэкграундом — [зачастую](#) они состояли всего из пары предложений про факт задержания с упоминанием имен. Такой ультракороткий формат в «ОВД-Инфо» называют «экспресс-новость». Информационным поводом одинаково становилось и задержание лидера «Яблока» [Сергея Митрохина](#), и то, что не очень [знаменитых активистов](#) до-

ставили в отдел полиции по Пресненскому району.

В вопросах верификации информации, по словам Охотина, дежурные полагались на интуицию: если сообщение не вызывало доверия, можно было «поставить его на холд» и подождать дополнительных источников. В 2011–2012 годах горячей линией пользовались в основном представители достаточно узкой прослойки московский активистов, чьи сообщения можно было бы перепроверить через общих знакомых.

«ОВД-Инфо» передавал сведения о задержаниях юристам и инициативам, помогавшим в административных делах: например, оппозиционному движению «Солидарность», где действовала своя служба юристов. Помощью задержанным на митингах от «Солидарности» в том числе занимался и [Алексей Горинов](#), который позднее станет муниципальным депутатом Красносельского района, а в 2022 году [получит](#) семь лет колонии по статье о распространении «фейков» про российскую армию.

По словам Гриши, основной статьей расхода проекта тогда были тарифы телефонов горячей линии — в первые месяцы это стоило примерно 100 рублей за два дня работы, затем — примерно 500 рублей в день. Кроме того, небольшие суммы уходили на оплату домена и сервера. Время от времени участники «ОВД-Инфо» запускали микрокраудфандинги в твиттере.

Весной 2012 года Владимир Путин победил на президентских выборах. На этот раз такого вала свидетельств о фальсификациях, как в декабре, не последовало. Тем не менее на шестое мая — за день до инаугурации — оп-

позиция заявила [крупный митинг](#) на Болотной площади в Москве. В тот день Гриша, Даня и еще несколько волонтеров остались дежурить на линии, Боря успел сходить на митинг, а потом вернулся помогать.

Акция на Болотной закончилась столкновениями с силовиками. После митинга Следственный комитет завел [уголовное дело](#) о массовых беспорядках — по нему привлекут к ответственности несколько десятков политических активистов. Уже 9 июня 2012 года [вступили](#) в силу поправки в закон о митингах: они [повышали](#) штраф для участников несогласованных акций в тридцать раз и расширяли перечень нарушений. Позднее в Уголовный кодекс добавят статью о неоднократных нарушениях на акциях, позволявшую преследовать постоянных участников протестов. На этом фоне осенью 2012-го команда «ОВД-Инфо» задумалась об уходе от волонтерской структуры.

«После Болотной мы собрались обсудить, что дальше. Была основная мысль, что протесты протестами, а задержания и репрессии — это отдельно, они никуда не денутся. И возможно, они важнее, чем сам [конкретный] протест. Мы поняли, что если как-то не поставим все на профессиональные рельсы, то все шаг за шагом отвалятся», — вспоминает Гриша.

Идею делать собственное юридическое лицо отвергли: зачем «строить дом на песке, который будет рано или поздно разрушен». За помощью Гриша, Даня и Боря пошли к «Мемориалу» — то ли потому, что это была крупнейшая правозащитная организация России с «понятными ценностями», то ли потому, что с детства бывали в офисе «Мемориала».

С 2013 года и на долгие годы вперед, вплоть до ликвидации осенью 2021-го, «Мемориал» был «генеральным партнером» проекта — это означало, что организация предоставляла «ОВД-Инфо» офис, счета, возможность получать гранты и оформлять на работу сотрудников. «Координация [правовой помощи](#), а также [медиа](#)- и [спецпроекты](#) осуществлялись в 2016 году „ОВД-Инфо“ в рамках спецпроектов [ПЦ „Мемориал“](#) на средства благотворительных фондов. Мы очень благодарны [Европейской комиссии](#) и [FIDH](#) (Fédération Internationale des Ligues des Droits de l’Homme)...», — говорилось в [годовом отчете](#) «ОВД-Инфо» за 2016 год.

Адвокат «от той женщины со строгим голосом»

Как и было задумано, поддержка «Мемориала» позволила расширить работу горячей линии. Дежурные стали получать зарплату, проект смог нанять профессиональных новостников. Одной из них стала Наташа Смирнова — сотрудница «РИА Новостей», которая познакомилась с Охотиным на президентских выборах 2012-го, когда была на них наблюдательницей. Охотин приехал на избирательный участок по району Арбат, куда не пускали наблюдателей, в привычной для себя надежде, что статус журналиста позволит помочь.

«Достаточно хорошо помню, когда я услышала об „ОВД-Инфо“ впервые, — вспоминает Наташа. — В мае 2012 года я заканчивала, к счастью для меня, работать в „РИА Новостях“. Я была на работе, вместо того чтобы митинговать, меня все ужасно тяготило. Мне звонили друзья и спрашивали,

где сейчас протестуют, — после шестого мая были вот эти „казаки-разбойники“, омоновцы с митингующими бежали по всей Москве. Смартфонов у людей обычно не было, а я была у компьютера — вот мне и звонили».

До 2011-го Наташа оставалась «супер-супер аполитична», но декабрь 2011-го, по ее словам, многое изменил, и многие люди начали вовлекаться не только в политику, но и вообще в инициативы, направленные на позитивные изменения.

Работа в «ОВД-Инфо», по словам Наташи, сильно отличалась от работы в других онлайн-медиа. В «РИА Новостях» она чаще пересказывала заметки из газет и зарубежных изданий. А на горячей линии операторы постоянно общались с людьми, с которыми в моменте происходило что-то плохое: «Такая специфика, что ты разговариваешь с человеком, которого задерживают прямо сейчас, и тебе хочется ему помочь лично. Помню, было немножко страшновато».

«Мне нравилось, что ребята не стоят на месте, а развиваются, придумывают новое все время, — вспоминает Наташа. — Помимо [сбора] информации [о том], сколько было задержаний, что происходило, какие нарушения в ОВД и в судах, они попробовали создать язык, на котором можно говорить о политических преследованиях. То есть они описывали, что такое „политическое“ задержание и как это происходит. И это тоже было очень важно, ведь такого языка до этого не существовало».

По словам Гриши Охотина, «ОВД-Инфо» хотел сделать сначала с ОВД, а потом и с судебной системой то, что сде-

лало движение наблюдателей с выборами: на конкретных примерах объяснить и показать, в чем проблема. «Мы как бы знали, что там все плохо. Но когда мы про это говорим — это одно. А когда 500 человек рассказывают про свой опыт — это имеет другой эффект», — объясняет он. Одной из первых больших инициатив «ОВД-Инфо» стала попытка массово собирать видео- и фотосвидетельства задержаний, чтобы их можно было предоставить в судах, — так называемые ОВД-files. Суды основывали свои решения на протоколах, составленных полицейскими под копирку, с формулировками, перетекавшими из документа в документ: «скандировали антиправительственные лозунги», «прорывали оцепление», «вели себя неадекватно, размахивали руками и не реагировали на замечания сотрудников полиции». «ОВД-Инфо» хотели найти очевидное доказательство невинности — видеозапись, которую можно было сравнить с протоколом. Тем не менее судьи редко обращали внимание на такие доказательства. Инициативу свернули, когда людям стали угрожать не только административные, но и уголовные преследования: например, в «Болотном деле» в качестве доказательства вины выступали множество видеозаписей с митинга шестого мая.

«ОВД-Инфо» никогда не скрывал, что выступает на стороне задержанных, а не на стороне государства. Раздел «миссия» на сайте проекта [гласит](#): «У нас нет цензуры, но при публикации мы руководствуемся в первую очередь правозащитными, а не журналистскими мотивами: мы не публикуем информацию, если считаем, что она может навредить».

В первых месяцах 2014 года «ОВД-Инфо» собрал коалицию из юристов «Мемориала», «Общественного вердикта», «Руси Сидящей» и организации «Юристы за конституционные права и свободы» (ЮРИКС), чтобы помочь задержанным участникам акций. 21 и 24 февраля у Замоскворецкого суда и на Манежной площади задерживали несогласных с приговором по «Болотному делу», в марте в России начались [акции](#) против вмешательства в дела Украины.

Весной «ОВД-Инфо» при участии юристов коалиции выпустил инструкцию [«Помоги себе сам»](#), которая объясняла, как защищать свои права в полиции и суде. Одновременно проект выступил посредником между юристами и задержанными, желающими обращаться в Европейский суд по правам человека в Страсбурге. 28 человек в итоге [получили](#) компенсации за преследование.

Так, проект постепенно все активнее вовлекался в правозащитную деятельность; этому, безусловно, способствовало и партнерство с «Мемориалом», и бэкграунд создателей, и референсы, на которые они ориентировались, и целевая аудитория: активисты, журналисты и правозащитники. Поначалу «ОВД-Инфо» просто делился информацией о задержанных с организациями, которые могли бы предоставить юристов в отделы полиции. Затем «ОВД-Инфо» стал помогать людям и в национальных судах.

«Мы боролись со сложившимся уже в активистской среде мнением, что защищать свои права в судах бессмысленно, — мы считали, что защищать свободу собраний

нужно не только на площади, но и в суде. Только если что-то делать там, есть шанс что-то поправить, и ЕСПЧ был не просто инструментом получения денег и личной справедливости, но и инструментом изменения, продавливания системы», — говорит Охотин.

В 2016-м в проект пришла Алла Фролова — участница протестов против оптимизации здравоохранения, активистка с большим опытом задержаний, которая не раз и сама звонила на горячую линию. Алла стала координатором только что образованной юридической службы «ОВД-Инфо». Чем-то таким — контактами с задержанными, спорами с полицией, поиском юристов и адвокатов, их координацией — она занималась до этого в качестве хобби. В мае 2016-го это стало ее основной работой.

«Сначала были запросы на маленькие акции: помню, анархисты 23 февраля концерт проводили, забрали 70 человек, потом на майские праздники еще, — вспоминает Алла. — Ресурсов было немного, но я расширяла круг знакомств с адвокатами. Я, как говорят, человек достаточно коммуникабельный. Бывало, сама ездила в отделы, бывало — просила знакомых адвокатов».

Защитниками в судах и отделах полиции не всегда выступали именно адвокаты. Ими могли быть и такие коммуникабельные люди, как Алла: те, кто умел общаться с полицией и знал юридические механизмы, мог надавить или, наоборот, решить дело миром. По закону для допуска в отдел было достаточно заявления от самого задержанного.

Новости и тексты «ОВД-Инфо» писал о самых различных

формах давления на политических активистов и о самых разных репрессиях, но юридическую помощь долгое время оказывал только в сфере свободы собраний. То есть если человека неправомерно задержали на митинге или из-за того, что он участвовал в митинге, то помогали. А если человека неправомерно задержали по другому поводу, то помочь не могли, но старались советовать профильные НКО. Эти границы, правда, никогда не были непроницаемыми и всегда обсуждались внутри команды.

Логичным стал и переход от помощи только в административных делах к помощи и в уголовных. Люди, задержанные на акциях протеста, затем нередко становились и фигурантами уголовных дел. К примеру, «ОВД-Инфо» сначала писал новости о [проблемах защитников](#) московского парка «Торфянка», затем отправлял к ним юристов для помощи в судах, а в день обысков и допросов у активистов направил адвокатов в Следственный комитет.

По словам Фроловой, с полицейскими приходилось взаимодействовать по-разному. Некоторые проблемы решались на уровне человеческого контакта. Алла с иронией называет это договорняком: если у полицейских не было четкого и жесткого приказа, можно было, например, добиться, чтобы задержанных отпустили без составления протоколов. Или хотя бы просто побыстрее закончили с оформлением «административок», до закрытия метро.

«К 2019-му у меня были прямые телефоны в главке [МВД Москвы], — рассказывает Фролова. — Через них можно было где-то что-то смягчить, продавить передачи, адвокатов. Иногда они помогали. Я сторонник, все-таки,

что надо больше разговаривать. Помню, менты повально не брали трубки в дежурках [ОВД]. Я позвонила в главк, говорю: „Я не прошу от вас никакой информации, просто пусть ваши подчиненные выполняют инструкции“. Через полчаса трубки стали брать».

Бывало и наоборот: с «ОВД-Инфо» в рамках процессуальных действий связывались с той стороны. По словам Аллы, когда фигуранта «Московского дела» Ивана Подкопаева арестовали на 15 суток, чтобы потом перевести уже в статус подозреваемых по уголовному делу, ей позвонил следователь. «Он сказал, что номер ему дал сам Подкопаев, и предложил в течении двух часов найти адвоката, сказав, что в ином случае он вызовет адвоката по назначению. Я нашла адвоката, а следователь ему говорит при встрече: „Вы от той женщины со строгим голосом?“» — вспоминает Фролова, смеясь.

В первые годы существования юридической службы защитники нередко выезжали в отделы полиции pro bono, просто по договоренности с Аллой. Когда с запуском краудфандинга в 2015-м денег стало больше, проект начал платить за такую работу деньги.

После освобождения людей из ОВД работа с ними не заканчивалась: их нужно было подготовить к суду, помочь собрать документы, предоставить защитника на заседание. Затем — подать апелляционную жалобу в случае негативного результата, а после — готовить материалы для ЕСПЧ. За все время с 2016-го юристы «ОВД-Инфо» подали 2528 жалоб в Европейский суд, из них 1502 только зарегистрированы, 476 — коммуницированы, то есть ЕСПЧ

запросил информацию по делам у России, по 67 приняты решения в пользу заявителей. Остальные на [МОМЕНТ ИСКЛЮЧЕНИЯ](#) России из Совета Европы в марте 2022 года, что сделало невозможным использование россиянами процедур ЕСПЧ, ожидали регистрации.

Инструменты изменения

В мае 2015-го президент Путин подписал закон о «нежелательных организациях», запрещающий связь с подобными структурами под угрозой уголовного преследования. Стало невозможно получать часть европейских грантов, на которые «ОВД-Инфо» существовал. Как вспоминает Охотин, буквально за две недели проект остался без денег. Тогда команда впервые задумалась о краудфандинге.

«У нас было много сомнений: понятно, когда люди отдадут деньги на бездомных или больных детей, а у нас такая тема. Много лет я слышу те же самые возражения от других инициатив: „Нет, ну вам, понятно, все готовы жертвовать. А вот у нас сложная тема“», — рассказывает Гриша.

Согласно [собственным данным](#) «ОВД-Инфо», в 2016 году проект смог собрать почти 1 700 000 рублей пожертвованиями — это составило 51% от общего бюджета. В 2017-м краудфандинг [вырос](#) до 3 400 000 — 33% от общих привлеченных средств. Доля уменьшилась, потому что выросла поддержка от «Мемориала» и Европейской комиссии. Основными статьями расходов и в 2016-м, и в 2017-м оставались работа группы мониторинга и правовая поддержка задержанных.

Поначалу краудфандингом занималась вся команда про-

екта — тогда это было около десяти человек. Друзья основателей и сотрудников помогали записывать [видеоролики](#) с призывом жертвовать «ОВД-Инфо» деньги. В 2018-м в проект пришли несколько человек уже на отдельные ставки специалистов по краудфандингу. Одним из них был Леня Драбкин, выпускник Высшей школы экономики. Леня уволился с высокооплачиваемой должности в фармацевтической компании, стал волонтером, а потом и сотрудником проекта.

По словам Драбкина, тогда «ОВД-Инфо» собирал 200–300 тысяч рублей в месяц, что считалось очень приличным уровнем пожертвований.

«Краудфандинг состоит из двух вещей: техника и коммуникация, — рассказывает Леня. — Техника — это работа с платежными системами, интеграция на сайт, понимание, на какие кнопки пользователь нажимает. А коммуникация — это, в общем-то, основа. Люди дают деньги „ОВД-Инфо“ благодаря тому, что делают все остальные в „ОВД-Инфо“: юристы помогают в судах, мониторинги отвечают на горячей линии, журналисты пишут тексты и так далее».

Для успешного краудфандинга нужно было представить ту или иную область работы проекта наиболее заинтересованным читателям и потенциальным жертвователям. К примеру, анализ аудитории показал, что большая часть «доноров» — айтишники, поэтому «ОВД-Инфо» в отчетах фокусировался на IT-разработках, цифрах и данных.

Команда стала выстраивать краудфандинг на прозрачности, ответственности и отчетности. Это, по словам

Лени, приводило к неочевидным решениям. К примеру, «ОВД-Инфо» не стал прятать кнопку «Отписаться от пожертвований» или делать ее тусклее других опций. В краткосрочной перспективе это могло показаться глупым ходом: легче отписаться. Однако те, кто все же не отпишутся, будут с большим доверием относиться к «ОВД-Инфо».

Другой пример: однажды «ОВД-Инфо» задумал устроить вечеринку для волонтеров и попросил у жертвователей отдельное разрешение потратить деньги не на работу, а на пиво. Подписчики не только согласились с такой целью сбора, а еще и оставили, по словам Драбкина, «кучу положительной обратной связи».

В 2017-м вышел фильм-расследование команды Навального «[Он вам не Димон](#)» про имущество Дмитрия Медведева и коррупцию, к которой он был причастен. Расследование запустило мощную волну протестных акций: 26 марта митинги прошли в [97 городах](#) страны. Участники «ОВД-Инфо» [назовут](#) этот день «самым тяжелым за всю историю проекта»: «В Москве задержали более тысячи человек, а в целом по России — более полутора. С таким потоком звонков одновременно из десятков городов и с таким количеством задержаний „ОВД-Инфо“ еще никогда не сталкивался».

«Нас было человек пятнадцать сотрудников команды и волонтеров, и мы не понимали, на самом деле, сколько человек выйдет и сколько будет задержано. С шести утра до двух часов ночи нам непрерывно звонили. Жопа была полная», — вспоминает Боря Бейлинсон.

Как подсчитали аналитики проекта, с 26 по 29 марта

в «ОВД-Инфо» позвонил 1161 человек, и только 411 смогли дозвониться с первого раза, еще 228 дозвонились со второго, а 221 — так и не дозвонился. То есть горячая линия приняла лишь чуть больше половины уникальных звонков. По воспоминаниям сотрудников, 26 марта в «ОВД-Инфо» звонили буквально каждую секунду. Одна из операторок много часов подряд общалась с людьми по мобильному, который все время стоял на зарядке и так раскалился от работы, что она обожглась, приложив его к уху.

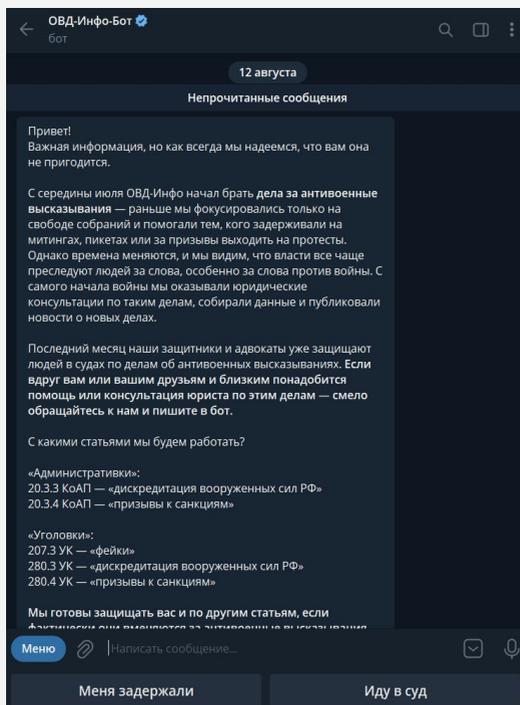
Ситуацию усугубила мощная DDoS-атака, положившая сайт. Люди, которые пытались зайти на него, вынуждены были звонить на горячую линию, тем самым перегружая ее еще сильнее.

26 марта по всей России задержали 1805 человек. Несмотря на провал горячей линии и нехватку адвокатов, «ОВД-Инфо» смог отправить юристов в 20 отделов полиции в Москве и еще в 24 проконсультировать людей по телефону.

Практически сразу после 26 марта команда Навального анонсировала новую большую акцию 12 июня. В «ОВД-Инфо» решили использовать два месяца до новых митингов с пользой. Во-первых, команда переделала схему дежурства в день акции — «штаб», как это называют внутри проекта. В штабе 12 июня участвовало в пять раз больше сотрудников, волонтеров и юристов, чем в марте. Это позволяло разбить дежурство на смены, чтобы даже при гигантской волне звонков горячая линия устояла, и охватить весь долгий день акции: от начала митинга во Владиво-

стоке до поздней московской ночи.

Во-вторых, IT-отдел «ОВД-Инфо» совместно с волонтерами и при помощи юристов запустил [правовой телеграм-бот](#), призванный разгрузить линию и упростить процесс юридической консультации. Пользователь мог быстро получить краткие инструкции для распространенных ситуаций: что нужно знать и как себя вести в случае задержания, доставления в отдел полиции или угроз и давления. Кроме того, через бот операторы получали информацию от задержанных, давали им прямые сове-

Сообщение от администратора в правовом телеграм-боте «ОВД-Инфо»

ты или уточняли детали: сколько людей задержано, где они находятся, как их зовут, что с ними происходит.

«Это удобный способ коммуникации — написать список имен или сообщить сложную информацию текстом проще и удобнее, чем голосом. Мою фамилию, например, никогда не пишут правильно на слух с первого раза. Чат экономит всем время», — объясняет Боря, занимавшийся разработкой бота как участник IT-команды «ОВД-Инфо».

Сам бот написали на Python, а для разработки интерфейса оператора взяли веб-клиент «Телеграма» на фреймворке Angular с открытым исходным кодом. Программисты проекта лишь «переподсоединили некоторые проводки внутри приложения». В 2021 году один из волонтеров «ОВД-Инфо» помог переработать админку уже на фреймворке React, сделав ее более функциональной: так появилась возможность передавать пользователей специальным операторам и заготавливать шаблоны для разных сценариев. Причем волонтер решил помочь «ОВД-Инфо» после собственного задержания, пришел, по его словам, «мстить у станка».

Новая структура штаба и правовой бот помогли во время акций 12 июня — они были не менее массовые, чем мартовские митинги, но горячая линия не захлебнулась, на 77% звонков операторы ответили с первого раза, на 22% смогли перезвонить. «ОВД-Инфо» [насчитал](#) 1769 задержанных по всей стране.

С каждым крупным новым митингом и рекордом задержаний «ОВД-Инфо» делал скачок по всем показателям: приходили новые сотрудники, открывались новые на-

правления работы, росли просмотры, число пользователей разных продуктов, количество волонтеров, помогающих юристов, жертвователей и т.д. Больше людей задерживают — больше людей задумываются о репрессиях и хотят что-то с ними сделать — больше людей помогают тем, кто освещает и борется с репрессиями. В 2017 году проект принял в четыре раза [больше звонков](#), чем годом ранее, написал в полтора раза больше новостей, в четыре раза чаще упоминался СМИ, общий бюджет проекта вырос в три раза — до 10 миллионов рублей, краудфандинг увеличился в два раза.

«Российское гражданское общество росло, мы просто шли в фарватере. Это, конечно, не происходило по взмаху волшебной палочки, а стоило гигантских усилий и выстраивания внутренних процессов», — объясняет Гриша Охотин.

К концу года команда «ОВД-Инфо» выросла до двадцати человек, тогда же появилось data-направление, координатором которого стал Даня Бейлинсон. К нему присоединились Наташа Смирнова и юрист «Мемориала» Денис Шедов, перешедший в «ОВД-Инфо». Наташа и Денис стали изучать, под какими предложениями местные власти в разных регионах отказывали заявителям акций 26 марта и 12 июня в согласовании, и попытались разобраться, как именно массовые задержания становятся возможными. Ведь полиция разгоняла митинги, объясняя это тем, что они несогласованные, — но согласовать их было практически невозможно. Как выяснилось, региональные администрации шли на разнообразные ухищрения: внезапно объявляли в месте проведения акции ремонт,

праздничный фестиваль или задним числом заявляли митинг лоялистских организаций.

Data-команда «ОВД-Инфо» занялась сбором данных, их анализом и попытками каким-то образом классифицировать. Как вспоминает Наташа, была идея привести разрозненные данные к виду, в котором их могли бы понять и использовать сторонние исследователи и журналисты. На штабах аналитики помогали считать задержанных и чистить данные, чтобы сделать их более точными, а между штабами готовили доклады с оценкой тех или иных практик в области свободы собраний. Например, о судах по делам, связанным с митингами, или о давлении на сторонников Навального, или о том, как регулируются разные формы протестов в регионах.

Массив информации, которым обладал проект, делал очевидными конкретные проблемы в законе и практике. Постепенно аналитики data-направления стали задумываться не просто о сборе данных, но и о попытках повлиять на происходящее системно. Они обращались в Совет по правам человека, аппарат Уполномоченного по правам человека или в прокуратуру — по словам Наташи, прокуратура в свое время неплохо помогала чинить региональные законы.

К примеру, в 2019 году «ОВД-Инфо» жаловался в ведомство на ряд противоречий между региональными законами и федеральным — речь шла о слишком абстрактных ограничениях или чрезмерно широкой трактовке запретов. В том же году Конституционный суд [удовлетворил](#) схожую жалобу фонда «Общественный вердикт»,

«ОВД-Инфо» пытался добиться, чтобы власти субъектов привели свое законодательство в соответствие с этим решением. Постепенно формулировки местных законов поправили во всех регионах. Пока Россия была частью международных институций — таких, как Совет Европы и ЕСПЧ, — «ОВД-Инфо» активно обращался и туда. «Исследовательское направление [«ОВД-Инфо»] всегда было несколько более оптимистичным. С одной стороны, мы говорили, что становилось все хуже и хуже. И нам было важно, что мы говорили это не голословно, не „по ощущениям“, а с опорой на материальное. Но из мрачного настоящего мы могли смотреть далеко вперед, и видеть светлые перспективы, и работать в их сторону», — рассказывает Наташа.

Вместе с этим «ОВД-Инфо» активно сотрудничал с различными СМИ, предоставляя им точные данные о количестве задержанных в дни больших акций или, например, экспертные комментарии о нюансах законодательства. «ОВД-Инфо» делал [протестные карты](#) и [тесты](#) совместно с «Медузой», [спецпроект](#) про книги и чтение за решеткой с «Букмейтом» и сайтом «Горький» и [текст](#) про «косметичку протеста» в коллаборации с Wonderzine.

Проект создавал и собственные материалы за рамками новостей — сначала силами новостников без дополнительной платы, а затем с помощью работы штатных авторов или фрилансеров. В 2018-м журналист «Коммерсанта» Александр Черных получил журналистскую премию «Редколлегия» за интервью с Юлией Павликовой, матерью фигурантки дела «Нового Величия» Анны

Павликовой, размещенное на сайте «ОВД-Инфо». Проект вел общественную кампанию в поддержку обвиняемых, всячески привлекал внимание к делу. Возможно, это повлияло на то, что часть фигурантов выпустили из СИЗО.

В 2019-м премией «Редколлегия» [наградили](#) уже всю медиакоманду «ОВД-Инфо», «превратившую социальный проект в эффективное социальное медиа, наиболее полный и надежный источник информации о действиях силовых органов в отношении участников протестных акций». Тогда протесты против дела Ивана Голунова и в поддержку независимых кандидатов на выборах в московскую Думу привычно привели к гигантскому количеству задержаний. Проект получил очередной буст, расширился, нарастил мощностъ и был на виду: «Редколлегия» «ОВД-Инфо» стала проявлением духа времени.

При этом правозащитная позиция, безусловно, влияла на принятие решений при освещении тех или иных тем. Когда проект стал писать новости и материалы не только о горстке московских активистов, которые знали друг друга и самих участников «ОВД-Инфо», верифицировать информацию стало сложнее. Операторы горячей линии не всегда могли быстро проверить сведения из отдаленного от Москвы региона. Тем не менее подобные новости публиковались — и случалось так, что они оказывались ошибочными. Так, в 2016-м новостники «ОВД-Инфо» написали несколько заметок с опорой на сообщения [«ростовского тролля»](#), который звонил на горячую линию и сообщал неправдивые новости о местных активистах. На горячей линии и новостях работали чаще всего не жур-

налисты, а бывшие активисты или люди с подобным бэкграундом — или те, кто симпатизировал им. Согласно опросу среди жертвователей в 2019-м, 95% доноров воспринимали «ОВД-Инфо» как правозащитную инициативу, 62% — как горячую линию во время митингов, 30% — как источник новостей или СМИ, 8% — как исследовательский проект.

Конструктивный дискурс во тьме

Возвращение Навального в Россию в январе 2021 года и его последующий арест привели к очередным масштабным протестам: лишь за один день 31 января «ОВД-Инфо» зафиксировал более 5300 задержаний. Десять лет назад проект [насчитал](#) 5169 задержаний за целый год.

Все 11 лет существования проект учился эффективнее считать задержанных, помогать им и анализировать происходящее в сфере свободы собраний. Российская власть, в свою очередь, все эффективнее делала иное. «Государство давит все сильнее, а ты придумываешь, как помочь людям под давлением, чтобы сбалансировать, компенсировать вред. И нужно улучшаться, придумывать механизмы, как помочь большему числу людей», — описывает этот процесс Наташа Смирнова.

С началом пандемии коронавируса в 2020 году региональные власти стали вводить ограничения, обосновывая запрет любых акций протеста мерами борьбы с эпидемией. Угроза распространения COVID-19 становилась поводом и для административных задержаний, и для [уголовных дел](#) против оппозиционных активистов. При этом во мно-

гих городах проводились массовые культурные, спортивные и патриотические мероприятия — в них риска заражения почему-то не видели.

«ОВД-Инфо» защищал людей в судах и активно жаловался на несправедливую практику и в прокуратуру, и в ООН, и в Совет Европы. Проект [пытался обжаловать](#) все еще действующие в некоторых регионах пандемийные ограничения в Конституционном суде, но суд отказал, признав их законными.

В дни задержаний на акциях в поддержку Навального полицейские стали повально объявлять план «Крепость» в отделах полиции, что позволяло не пускать защитников к задержанным. План «Крепость» — это особый режим работы ОВД при наличии угрозы вооруженного нападения. При этом задержания именно на этих митингах отметились жестокостью и насилием со стороны правоохранителей. «ОВД-Инфо» запустил общественную кампанию против, по их мнению, злоупотребления нормой, соответствующая [петиция](#) собрала 143 тысячи подписей.

В рамках кампании программисты «ОВД-Инфо» сделали [«Дятел»](#) — сервис для отправки массовых жалоб на нарушения закона. Как рассказывает Боря, «Дятел» работает с помощью формы в [Airtable](#) и скриптов, написанных на Python. Человек вносит данные в форму, а сервис генерирует универсальный текст, в случае с планом «Крепость» — жалобу в аппарат Уполномоченного по правам человека. Идея была в том, что так как чиновники обязаны отвечать на каждое обращение граждан, то вал писем обяжет их реагировать и, возможно, приведет к ка-

Я — Дятел, и я помогаю людям отстаивать свои права. В нашей стране много ведомств, куда можно и нужно жаловаться. Я делаю этот процесс максимально простым и быстрым.

4183
жалобы
сгенерированы

2453
жалобы
отправлены

0
ответов
получено

Есть ли в этом смысл? Мы, дятлы, верим, что если долго и всем вместе долбить в одну точку — то польза точно будет. По закону все чиновники обязаны реагировать на обращения граждан, так что как минимум им придется ответить. А если нас будет много, то одними ответами обойтись не удастся.

Поса у меня только один квест. Мнея коллутны массовые задержания людей по всей стране на акции антивоенных, и особенно — иудейств и или задержаний, поэтому я хочу вам помочь с помощью «Крепости». Если вас задерживали и не пустили за границу, то всего за 3 минуты вы вместе сгенерируете и отправите жалобу Уполномоченному по правам человека. А если вы просто, как мне, возмущены по поводу задержаний — то всего за 3 минуты сможете отправить жалобу.

ЖАЛОБА ЗАДЕРЖАННОГО

ЖАЛОБА СОЧУВСТВУЮЩЕГО

Главная страница сервиса массовой отправки жалоб «Дятел»

ким-то изменениям.

Официальная статистика «Дятла» такова: 4179 жалоб сгенерировано, 2451 отправлена, 0 ответов получено. Однако, по словам Бори, какие-то ответы пользователи наверняка получали, но у «ОВД-Инфо» не дошли руки их подсчитать. Позднее идею использовать «Дятел» забросили до лучших времен. Характерно, что сайт Уполномоченного перестал принимать обращения по электронной почте, теперь всех отправляют на обычную. По мнению Бори, «Дятла» можно использовать и для других, сторонних общественных кампаний, но пока подобного запроса нет ни внутри команды, ни извне.

В 2021 году проект запустил «Генераптор» — сервис, который помогает генерировать разнообразные документы для судов, от каких-то ходатайств до апелляционных жалоб. В отличие от жалоб на план «Крепость», здесь за-

готовленным текстом справиться было невозможно, такие документы в большей степени завязаны на индивидуальные обстоятельства. Сейчас генерация жалоб работает на форме Airtable и шаблонизаторе Jinja, хотя Airtable, как и формы Google, не позволяют реализовать сложные сценарии и кастомную проверку введенной информации. Поэтому волонтеры «ОВД-Инфо» разрабатывают оригинальные формы с помощью фреймворка Vue.js.

В любом случае для пользователя сервис выглядит как анкета с ответами на вопросы, которые он способен понять. Расспрашивая человека, «Генераптор» использует ответы для создания юридического текста со ссылками на законы.

В 2021-м Минюст признал сотни журналистов, правозащитников, активистов и организаций «иноагентами», что наложило значительные ограничения на их деятельность.

ОВД-Legal Генератор судебных документов

Генераптор — документы для суда за 10 минут

Я — генератор судебных документов, и я помогу вам подготовиться к суду за участие в акции протеста. Я сделаю этот процесс максимально простым и быстрым.

[Перейти к документам](#)

Сервис генерации жалоб и процессуальных документов «Генераптор»

[Петиция](#) «ОВД-Инфо» за отмену закона собрала 269 тысяч подписей и была самой популярной петицией Рунета осенью 2021-го. Кампанию поддержали многие СМИ и НКО. Для аккумуляции информации о практике «иноагентства» и упрощения помощи «иноагентам» «ОВД-Инфо» запустил отдельный сайт [«Инотека»](#).

29 сентября и сам «ОВД-Инфо» [внесли](#) в перечень незарегистрированных объединений, выполняющих функции «инострannого агента». В декабре по жалобам прокуратуры суд ликвидировал [Международное общество](#) «Мемориал» и [Правозащитный центр](#) «Мемориал». В претензиях к «Мемориалам» в том числе упоминались статьи, размещенные на сайте «ОВД-Инфо», — в них эксперты прокуратуры нашли признаки оправдания терроризма и экстремизма. Сайт проекта сначала [заблокировали](#), потом решение [признали](#) неправомерным, дело вернули на новое рассмотрение, но блокировку не сняли. В августе 2022-го «ВКонтакте» заблокировал группу «ОВД-Инфо» из-за материалов про войну в Украине.

К началу войны «ОВД-Инфо» был одной из самых успешных, известных и крупных правозащитных организаций России с несколькими важными и развитыми направлениями и мощной медиасоставляющей, позволявшей об этой деятельности успешно рассказывать.

К февралю 2022-го в проекте работало около 60 человек. Четырeм основным направлениям — мониторингу и горячей линии, юридической команде, исследовательской команде и команде медиа — помогали айтишники, финансисты, саге-команда, занимавшаяся психологиче-

ским климатом, и координаторы волонтеров.

Человек звонил на горячую линию, с ним разговаривал оператор и, если было нужно, переключал его на юриста для консультации. Затем оператор или кто-то из его коллег писал новость на сайт. Координаторы юристов запускали длительный процесс помощи — от отдела полиции через национальные суды в ЕСПЧ. Параллельно медиакоманда создавала развернутый материал, если находила историю интересной. В конце концов исследовательский отдел собирал статистику воедино, анализировал ее, выдвигал гипотезы — как ее трактовать и как исправить проблему — и пытался повлиять на норму через прокуратуру, аппарат Уполномоченного, Конституционный суд, ООН, Совет Европы и ЕСПЧ.

В 2019-м у «ОВД-Инфо» появилось отдельное волонтерское направление — к январю 2022-го в волонтерском боте зарегистрировались более шести с половиной тысяч человек, к концу 2022 года там было уже 13 000 заполненных анкет. Правда, доля активных волонтеров на деле значительно меньше.

С помощью бота координаторы связываются с волонтерами или размещают объявления о доступных задачах. Это может быть иллюстрация или дизайн, поиск информации в законах или открытых источниках, подготовка документов или консультирование на линии, переводы материалов на другие языки, расшифровка аудио, поиск информации в открытых источниках, разметка для аналитиков и многое другое, всего около 50 видов задач.

Кроме штатных сотрудников и волонтеров, в работе

«ОВД-Инфо» участвуют три сотни юристов и адвокатов по всей стране, сотрудничающих с проектом на контрактной основе.

Как говорит Боря Бейлинсон, после начала войны признание проекта «иноагентом» и блокировка сайта кажутся мелкими неприятностями. Война идет десять месяцев, «ОВД-Инфо» [насчитал](#) 396 фигурантов «Антивоенного дела» — значительно больше, чем в «Дворцовом деле». Проект расширил свой мандат юридической помощи — теперь юристы «ОВД-Инфо» помогают всем, кого преследуют за антивоенную позицию, даже если преследование не связано со свободой собраний. Сейчас адвокаты организации защищают 78 человек в 60 уголовных делах, с 24 февраля «ОВД-Инфо» насчитал более 19 400 административных задержаний за антивоенные протесты.

Ликвидация «Мемориала» лишила «ОВД-Инфо» выстроенных механизмов краудфандинга и 20 тысяч регулярных «доноров». В 2020-м 95% бюджета покрыли пожертвования, в 2021-м удалось собрать около 260 миллионов рублей. Часть этих денег перешла в бюджет 2022-го и помогла «ОВД-Инфо», пока проект переводил краудфандинг на новые рельсы. Кроме того, проект поддерживали напрямую. За две недели с 24 февраля, в которые краудфандинг пришлось остановить, чтобы перезапустить его в иных формах, «ОВД-Инфо» пожертвовали около 90 миллионов рублей.

Тем не менее для финансового департамента «ОВД-Инфо» 2022 год стал очень трудным. «Простейшие действия — выплаты зарплат, компенсаций или чего-то еще —

усложнились, — объясняет Леня Драбкин. — Финансовый департамент, в общем, захлебывается. Я думаю, все, кто работает в бизнесе или в НКО, понимают, что логистика усложнилась. Сейчас у нас бывают и задержки зарплат, и проблемы с выплатами. На первый план тут, конечно, выходит доверие внутри команды». Кроме того, часть сотрудников уехала из России — «ОВД-Инфо» не распространяется, насколько большая часть — и находится в разных странах. В каждом случае приходится искать какие-то свои способы оплаты.

К осени 2022-го «ОВД-Инфо» удалось вернуть часть «доноров», а также обрести новых; теперь у проекта 12 000 регулярных жертвователей, они переводят деньги как из России, так и из-за рубежа. По словам Драбкина, штатных сотрудников в проекте сейчас около 90 — и все «изрезаны границами».

Координатор службы юридической помощи «ОВД-Инфо» Алла Фролова уволилась летом 2021-го, юридическая служба теперь работает без нее. По словам Аллы, период работы в «ОВД-Инфо» был сложным, но интересным, ей нравилось помогать людям. «Ушла, потому что очень устала. Объемы стали очень большими, я разучилась отдыхать. Ты не успеваешь лечь спать, тебе уже звонят. И это было каждый день. Человек не может работать в таком ритме», — рассказывает она.

После «ОВД-Инфо» Фролова поработала в «Руси сидящей», а теперь сотрудничает с программой поддержки политзаключенных экс-сотрудника «Мемориала» Сергея Давидиса.

После исключения России из Совета Европы отлажен-

ный процесс отправки жалоб в ЕСПЧ нарушился. Теперь юристы проекта советуют жаловаться в Комитет по правам человека ООН, хотя он и не сможет стать равноценной заменой Страсбургу.

Будущее основатели и участники «ОВД-Инфо» оценивают привычно оптимистично. По словам Драбкина, если смотреть на шаг вперед, то оптимизм найти сложно, но на трех-пяти шагах уже проглядывается что-то приятное. Все уверены, что проект, невзирая ни на что, будет существовать.

По мнению Бори, «ОВД-Инфо» долгое время был одной из самых востребованных общественных инициатив: «Мне кажется, „ОВД-Инфо“ сейчас не самая актуальная штука. Пока не очень понятно, к чему нас все это ведет. Мы сейчас стараемся развернуться в ту сторону, чтобы быть источником знаний и технологий для других инициатив».

Боря говорит, что в «прекрасной России будущего» планирует завязать с «ОВД-Инфо»: «Мне потом хотелось бы чем-то другим заняться, робототехникой, допустим. Наверное, „ОВД-Инфо“ будет нужен, но уже не потребует вовлечения такого количества людей и сил. Наверняка все наши сотрудники и волонтеры смогут что-то [другое] хорошее строить».

А пока все не закончилось, Боря думает над планом перестройки правового бота: айтишники проекта хотят подключить машинное обучение и научить программу, опираясь на истории переписок, формулировать связанные ответы на неформализованные вопросы пользова-

телей. Есть идея вернуться к старой амбициозной идее Monitoring Pro — парсера, который без участия человека выискивал бы в интернете публикации для новостной службы.

Гриша Охотин, в свою очередь, думает, что «ОВД-Инфо» не стал менее актуальным. По его мнению, в России между пиками протестов всегда кажется, что подобного пика больше не будет. Но все обязательно будет — и протесты, и задержания. «Протесты сейчас менее актуальны в глазах людей, менее заметны. Безусловно, пришла беда такого масштаба — катастрофа, — что все, кроме боевых действий, не особо актуально ни для кого», — говорит Гриша.

Он признает, что сейчас «общественно-политический сектор в кризисе» — и из-за репрессий, и «из-за потери смысла и понимания будущего», — но не считает, что гражданское общество проиграло окончательно: «Просто сейчас тьма, и в этой тьме разрушается многое, в том числе солидарность и готовность к совместным действиям. Я считаю, что большая ответственность и задача для всех общественно-политических акторов этот образ будущего увидеть и конструировать оптимистичный, конструктивный дискурс. Работать на этом уже сейчас, а не посыпать голову пеплом и критиковать друг друга, говорить, как мы навсегда виноваты и что ничего невозможно. Не думаю, что кто-то кроме независимых общественных инициатив способен такой дискурс выстраивать; наверное, Алла Борисовна Пугачева еще способна».

Автор: Алексей Полихович